

Олег Баев

**КОТЕЧКА –
МОХОТЕЧКА
И МАЛЫШ – ПУПЫРЫШ**

Сказка для всех деток, включая
взрослых

Олег Баев

**Котечка-Мохотечка и Малыш-
Пупырыш. Сказка для всех
деток, включая взрослых**

«Издательские решения»

Баев О.

Котечка-Мохотечка и Малыш-Пупырыш. Сказка для всех деток,
включая взрослых / О. Баев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838726-5

Вы знаете, что у каждого из нас внутри есть такой лучик, который нам очень помогает, и который нужно беречь? По неосторожности мы можем его потерять, и нам придется нелегко. К счастью, где-то рядом с нами, в особой стороне, называемой Верея, живут добрые существа, которые нам помогают наши лучики вернуть. Правда, там же живут и не очень добрые существа... И с ними нужно учиться справляться. Пришлось с ними справляться однажды и девочке, которую все звали Котечка-Мохотечка...

ISBN 978-5-44-838726-5

© Баев О.

© Издательские решения

Содержание

Встреча первая. Котечка, малыш и альбом с динозаврами	6
Встреча вторая. Велик и очки	9
Встреча третья. Вот попали!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Котечка-Мохотечка и Малыш-Пупырыш

Сказка для всех деток, включая взрослых

Олег Баев

Иллюстратор Диана

© Олег Баев, 2017

© Диана, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8726-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Встреча первая. Котечка, малыш и альбом с динозаврами

Котечка – так звали маленькую девочку. Впрочем, уже не очень маленькую, девять лет – это ведь уже много. С одной стороны. Но с другой стороны, ещё очень мало, поэтому будем считать, что девочка – Почти Маленькая и Почти Большая одновременно. И какое-то время так оно и будет длиться, пока девочка не станет Совсем Большая. Во-от такая большая.

Вообще-то Котечку назвали по-другому, когда она родилась, а Котечкой она стала как-то незаметно, может быть, из-за того, что она очень любила всех кошачьих, особенно – самих кошек. Нет, ко всем остальным кошачьим, которые водятся в дикой и полудикой природе, она тоже очень хорошо относилась, ей нравились и тигры, и пантеры, и барсы, и рыси, и манулы, и, разумеется, львы, только вот домашние кошачьи ей нравились как-то больше. Может быть, потому, что они как-то безопаснее? Или доступнее? Их ведь можно погладить, подержать на коленях, поносить по квартире запеленатыми, надеть на них шапочки для кукол, пинетки для младенцев, покрасить им шерсть фломастерами, сделать им причёску и покрыть лаком для волос, чмокнуть в нос и почесать за ушком. А ещё с ними можно играть, например, бантиком на верёвочке, или с маленьким мячиком, за которым домашние кошачьи любят носиться, подняв хвост трубой. А ещё они трутся об ноги и ласково мурлычут, особенно, когда хотят чего-нибудь. Вряд ли манулу понравится, если на него будут надевать шапочки для кукол или повязывать ему косынку. Манул – зверь очень даже серьёзный, судя по выражению лица, которое в дикой природе почему-то называется мордой, и по отзывам натуралистов – тех, кто изучает диких кошачьих. Хотя манул и выглядит почти совсем как домашнее кошачье, есть серьёзное сомнение, что он будет весело бегать по квартире за мячиком, подняв трубой свой пушистый длинный хвост. Хотя, погладить всех кошачьих без исключения всё равно очень хочется, жаль, что этого нельзя сделать.

Котечка иногда задавала себе вопрос – чем, всё-таки, отличаются морды от лиц, но ответить на него было не так-то просто. Она иногда думала, что даже Особо Умные Взрослые тоже не смогли бы на него ответить. На самом деле, нельзя ведь сказать, что морды всех животных красивее или страшнее всех человеческих лиц. Некоторые морды бывают очень даже красивые, взять хотя бы домашних кошачьих, а некоторые лица могут быть очень даже страшные, а ещё люди сами иногда говорят, что у какого-то человека – морда, или даже рожа, что вообще непонятно, что такое, потому что про животное, например, никогда не говорят, что у него – рожа, разве что, иногда – про обезьян. Так что, особой разницы, думала Котечка, пожалуй, и нет. Если у людей могут быть морды, то почему у животных не может быть лиц? В общем, решила девочка, лица – это когда красиво, а морды – когда не очень.

Котечка жила в большом городе, и на дикой природе бывала редко. Можно сказать, почти совсем не бывала, если не считать парки с аттракционами и без аттракционов, разные дачи с огородами и без огородов, куда Котечку несколько раз возили родители, и лес возле этих дач, где они все вместе гуляли, а иногда даже собирали грибы. Но Котечка не считала эти места дикой природой, потому что очень близко. А дикая природа должна быть очень далеко, близко она быть не может. До дикой природы, без всякого сомнения, надо долго-долго лететь на самолёте, ну или хотя бы ехать целых несколько часов на поезде. Вся остальная природа – домашняя, или почти домашняя.

Малыш-Пупырыш об этих вещах пока не задумывался. Во-первых, он был младше Котечки, и задумывался поэтому о совсем других вещах. Сначала, например, о том, почему мамина грудь не всегда находится под его рукой, иногда она куда-то исчезает, и тогда приходится тратить время и силы на её поиски и добывание. Потом – куда время от времени исче-

зает сама мама, вся, в смысле – вместе с грудью. И наконец – куда время от времени пропадают Котечка и папа. Во-вторых, Малыш-Пупырыш сам был, по мнению Котечки, ярким представителем дикой или почти дикой природы, потому что совсем ещё недавно передвигался на четырёх конечностях. В-третьих, большую часть времени Пупырыш бывал доволен окружающим миром и собой, а о чем серьезном можно думать, когда ты, в основном, доволен? Только о том, куда исчезает тёплая, мягкая и вкусная мамина грудь, а вовсе не о дикой природе, лицах и мордах. Малыша, вообще-то, тоже называли по-другому, а Пупырышем его величали потому, что был он маленький, крепенький, румянёный, очень шустрый. Хотя, из всего этого, конечно, становится ещё более непонятным, почему возникло именно это – Пупырыш, но что-то есть, видимо, в этом имени маленькое, крепенькое, румянёное, очень шустрое, иначе бы оно не появилось.

Всё началось с того, что Котечка нашла однажды книгу. Точнее говоря – альбом. Он стоял в папином книжном шкафу на самой дальней и высокой полке, так что пришлось даже стул подставлять, чтобы его достать. Альбом был довольно старинный, ему было уже почти целый век, – а это аж сто лет! – и он был полон иллюстраций про дикую природу. И не просто дикую природу – а самую дикую, можно сказать – дичайшую, потому что когда художник её изображал, ещё и людей-то не было на белом свете. А были всякие жуткие чудища, называемые динозаврами. Одни из них ели травку и всякие фрукты и овощи, а другие, страшно сказать, ели тех, кто ел травку и фрукты с овощами. Котечке нравилось рассматривать этот большой и красочный альбом. Рисунки были похожи на фотографии, настолько реальными казались все эти животные, деревья, которые, как она знала, потом стали травой, и сейчас называются хвощом, и океан с его жуткими обитателями. Океан на одной из картинок был одновременно притягателен и страшен. Притягателен, потому что Котечке нравились моря и океаны, особенно – купаться в них и загорать на теплом песочке. А страшен – потому что на картинке не было ничего, кроме бесконечного, бескрайнего и угрюмого океана, двух высоченных айсбергов, и двух гигантских морских тварей, с невероятными зубами, когтистыми лапами, и противными скользкими хвостами. Твари кружились в зелёной воде одна вокруг другой, стараясь цапнуть друг друга. Котечка очень часто смотрела на эту картину, она её почему-то завораживала, хоть и казалась очень грустной, особенно, когда ей приходила в голову мысль о том, что там, в этой картине, в данный момент, сейчас, когда пытаются укунить друг друга эти морские хищники, и когда мрачно возвышаются вдалеке эти два высоченных айсберга, на земле нет ни одного человека. Не просто нет ни одного города, ни одной деревни, ни одного дома, ни одной школы и ни одного детского садика, а вообще нет НИ ОДНОГО человека! По сути в это самое время, в этот самый момент, наверное, ходят, ползают и бегают разные древние чудища, а людей НЕТ СОВСЕМ! Это было трудно представить.

Так же, как трудно представить себе, что когда-то не было ТЕБЯ САМОЙ, ну вот просто не было и всё, – так же почти невозможно представить себе, что когда-то **ВООБЩЕ НИКОГО НЕ БЫЛО**. Котечка знала, что это было очень-очень давно, ещё даже до Древней Руси, ещё до того, как родились её папа и мама, и даже бабушка с дедушкой, ещё до того, как придумали жевательную резинку и компьютер. (А ведь были времена, когда компьютеров не было! Это – правда, об этом ей рассказали родители, которые, кажется, говорили вполне серьёзно).

Котечка иногда листала этот альбом, который, вообще-то, был не детский, в смысле – был солидной научной книгой с серьёзными и непонятными научными текстами на странице, располагавшейся рядом с иллюстрацией. Котечка честно попробовала прочитать тексты, но довольно быстро поняла, что это полная абракадабра – специальный язык, специально придуманный взрослыми, чтобы их не поняли дети. Но картинки были хорошие, в смысле впечатляющие, поэтому Котечка-Мохотечка любила их рассматривать. Мохотечка – это такое дополнительное имя, которое, наверное, тоже связано с нежным отношением к кошачьим, потому что в нём есть что-то мягкое, пушистое и меховое. У Котечки, надо сказать, были альбомы

с древними ящерами, которые были изданы именно для детей, но они нравились ей почему-то не так сильно, как этот папин альбом. Может быть, потому, что иллюстрации в её альбомах были какие-то уж совсем детские, а Мохотечка была, всё-таки, уже Почти Большой девочкой.

Из своих альбомов про динозавров и других древних животных Котечке больше всего нравились те, которые нужно было рассматривать со специальными очками – тогда картинка становилась объёмной, а животное приобретало такой натуральный вид, что казалось, будто бы оно находится совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, стоит её только протянуть, и... Но Котечка не решалась протягивать руку. Во-первых, например, тираннозавр рекс – это совсем не домашнее кошачье, и не возникает никакого желания почесать ему за ушком (которое, к тому же, неизвестно где находится), или погладить. Во-вторых, хотя это, конечно, всего лишь картинка, но уж очень объёмная, и лучше руки держать не так близко – просто так, на всякий случай. Конечно же, диплодоки или стегозавры не такие противные, как дождевые червяки, когда они выползают на асфальт после дождичка, но эта их кожа в складках, и чешуя, как-то тоже не вызывают желания прикоснуться. (А вот был бы кошмар, если бы червяки были такого же размера! Идёшь себе утром в школу, а на асфальте лежит такой толстенный червь. Правда, в этом случае его было бы проще обходить, не то что эти маленькие, противенькие, извивающиеся тельца, брр!).

Иногда изображение становилось настолько реальным, что Котечке начинало казаться, что животные шевелятся, а однажды трицератопс ей даже подмигнул! Котечка в тот же миг сдернула с носа эти коварные очки, и захлопнула альбом, хотя, уже полминуты спустя сама же и посмеялась над своими страхами – такими глупыми они ей показались. Иногда эти альбомы привлекали внимание Малыша-Пупырыша, особенно, когда Котечка оставляла их на ковре после просмотра. Пупырыш важно усаживался возле альбома, и негромко рассуждая и комментируя – нараспев, на своём своеобразном, понятном только ему и маме наречии, – переворачивал страницы, пробовал на вкус обложку, пробовал на прочность иллюстрации. Иногда, впрочем, его интересовали именно изображения, причем, в последнее время – всё чаще. Тогда он несколько озадаченно разглядывал молча то или иное диковинное животное, потом произносил что-то глубокомысленное, и вновь начинал листать страницы. Два или три раза Мохотечка даже водружала ему на его нос-пуговку эти специальные очки, ожидая, что и Малыш увидит «натуральных зверей», но брата больше интересовали сами очки – он их сию же секунду стаскивал и начинал всесторонне, – то есть буквально со всех сторон, – изучать, в смысле – тащить в рот.

Старинный дорогой альбом, стоявший в папином шкафу, Пупырышу показывать было нельзя, он мог его нечаянно повредить, например – *опрудить*, – в этом деле он был мастер, пруды по всей квартире у него получались очень даже спокойно и часто. Если образование очередного нового пруда не было по какой-то причине замечено сразу, у Малыша была очень короткая возможность создать вокруг пруда массу мелких прудиков с помощью шлёпания по основному пруду ладошкой – со всей силы. Дома сразу же становилось весело, все начинали бегать, суетиться, вытирать пруды, мыть Пупырыша, громко звать друг друга на помощь – в общем, в квартире царило настоящее оживление, и Пупырыш не без гордости думал о том, что причиной этому веселью послужил именно он. Он радостно смеялся, морщил нос, и демонстрировал все свои четыре зуба. В общем, дорогой старинный альбом Малышу-Пупырышу лучше было не давать, хотя Котечка про это время от времени забывала, и даже держала его иногда, – после очередного просмотра, – несколько дней у себя в комнате.

Встреча вторая. Велик и очки

Однажды дед подарил Котечке большую сумму денег. Целую тысячу! Просто так, без дня рождения и Нового года. Горох с дачи привез с помидорами, и тысячу подарил. Мохотечка решила купить себе на эту сумму что-нибудь очень полезное в хозяйстве, например, заколки для волос, или красивый пояс для новых джинсов. Заколки она купила, но пояс не нашла, и у неё оставалось ещё целых шестьсот рублей. По-хорошему, надо было, конечно, оставить эти деньги лежать, а потом, когда ещё кто-нибудь подарит тысячу, их стало бы больше на целую тысячу, а потом, когда ещё кто-нибудь что-нибудь – ещё больше, и ещё, и так можно было бы, в принципе, накопить даже на машину. Но деньги почему-то никак не хотели просто лежать дома, в Котечкиной комнате, на книжной полке. Когда она шла гулять, они так и просились на прогулку вместе с нею, Котечка жалела их, и, конечно, брала с собой, и, конечно, всегда немножко тратила, пока у неё не осталось всего триста рублей. Куда девать эти триста рублей Котечка ещё не придумала, именно этим были заняты её мысли, когда она задумчиво ехала по дороге возле дома на своём велосипеде. Если бы она не задумалась, она бы, разумеется, заметила этого маленького седенького дедушку, который вдруг возник, как из-под земли, прямо перед передним колесом её велика. Котечка резко затормозила, но поняла, что всё равно – поздно, и не нашла ничего лучшего, как круто вывернуть руль вправо, и свалиться прямо на этого неожиданного пешехода.

– Ну кто тебе только на лисапеде разрешил ездить? – произнес спустя какое-то время скрипучий хрипловатый голос.

Котечка открыла глаза – прямо перед нею было лицо старичка – всё в мелких морщинках и седых волосках, которые торчали отовсюду. Из-под густых белых бровей сердито смотрели два чистейшей голубизны глаза.

– Ну вставай уже! – сердито произнес тот же голос, и дедушка раздраженно закопошился и задергался.

Только теперь Мохотечка поняла, что до сих пор лежит на асфальте. Точнее говоря – на асфальте лежал старичок, а Мохотечка лежала на старичке. Девочка поспешно подскочила, и протянула ему руку. Старичок подозрительно посмотрел на Котечку, но руку всё-таки подал, и поднялся, кряхтя и потирая поясницу. Только теперь Мохотечка поняла – какой он был, оказывается, маленький – всего-то по подбородок ей.

– Так ить и зашибить можно, – ворчал дедуля, продолжая потирать поясницу.

– Извините, пожалуйста, я не хотела, я случайно..., – лепетала Мохотечка в крайнем смущении. Ей так было неловко, что она даже не заметила, что получила ссадину на коленке и царапину на лбу.

– «Не хотела, случайно», – ворчливо передразнил её старик, но уже, кажется, беззлобно. – На дорогу надо смотреть за рулем, а не думать, на что свои несчастные триста рублей потратить!

Было совершенно невероятно, что пострадавший дедушка знал – о чем думала девочка в момент наезда, однако, поначалу Мохотечка даже не придала этому особого значения, её больше озадачил внешний вид незнакомца. Старичок, продолжая ворчать, отряхивал свой довольно странный наряд – балахон болотного цвета с капюшоном, надетый на телогрейку. Учитывая, что на дворе стоял, сидел, или лежал август месяц, выглядел старичок явно не по сезону. На ногах у него были старые потрепанные сапоги, а когда он поднял с земли, и, отряхнув одним ударом о колено, водрузил на голову шапку-ушанку, с топорщащимся ухом без завязки, Котечка окончательно убедилась в том, что перед ней никто иной, как представитель того человеческого племени, которое взрослые называют *бомжами*, или *бичами*. Мохотечка вообще-то уже видела этих загадочных людей. Летом они всегда располагались под дере-

вом на пустыре, через который они иногда ходили в магазин. Чувствовалось, что племя это совершенно довольны жизнью – они лежали на матрасах, окруженные арбузными корками, какими-то тряпками и пластиковыми бутылками, и глядя в небо, о чем-то переговаривались очень умиротворенно и дружелюбно. Казалось, они не обращают на проходящих ни малейшего внимания. Вообще-то, девочке не нравилось, как их называют взрослые, ей слышалось в этих наименованиях что-то грубое и безжалостное, поэтому Котечка называла их про себя немножко по-другому – *бомжиками*, или *бичиками*. Ещё Котечка знала, что бомжики регулярно собирают на помойках разные вещи и продукты питания, что никак не укладывалось в её голове, в которой уже уложилось то, что вещи и продукты надо покупать в магазинах и на рынке за деньги. Однако, Мохотечка, всё таки, была уже Почти Большой девочкой, и она уже знала, что на Земле существуют разные народы и племена. Например, есть русские, как она, Пупырыш, и папа с мамой. Есть также китайцы, которые работают на соседней стройке и ходят в красивых оранжевых касках и не очень красивых телогрейках. Ещё есть таджики, которые тоже что-то строят рядом, только без красивых оранжевых касок. В Африке есть чёрные негры. А есть бичики, которые ничего не строят, и вообще, в основном лежат на матрасах под деревом, если не копаются в помойках, но их всё равно жалко.

Старичок в это время пошел к обочине дороги, привстал на бордюр, и, вытянув шею, начал пристально вглядываться в высокую траву. Затем, удовлетворенно хмыкнув, с явно неожиданной для его возраста прытью, рванул в только ему известном направлении, скрывшись с головой в высоких зарослях желтого донника. Где-то там вскоре раздалось его пыхтение, а потом Котечка вдруг увидела вспышку яркого света, что её очень удивило, поскольку на дворе стоял ясный солнечный день. Вспышка, впрочем, была очень короткой, а через мгновение старикан уже появился обратно, довольно ухмыляясь и крепко прижимая к груди чемоданчик. Чемодан был под стать своему владельцу – коричневого цвета, с облупленными металлическими уголками, потертый и побитый, с полуоторванной ручкой. Мохотечка никогда в жизни не видела таких чемоданов, они не встречались ей даже на дачах с огородами и без огородов, на которых, вообще-то, можно было встретить всё, что угодно, даже смешные, невысокие и пузатые холодильники, очень старинные, явно сделанные ещё до изобретения жевательной резинки, где-то во времена Древней Руси, по выводу Мохотечки.

«Точно – бомжик», – глядя на старичка с чемоданом, укрепились в своей мысли девочка.

Тот, между тем, подошел почти вплотную, поставил чемодан на асфальт, и снизу вверх, строго заглянул Мохотечке в глаза. Мохотечке всё ещё было очень неловко, она начала было опять извиняться, но дедуля прервал её резким отрицающим движением руки.

– Ладно, считай, что простил! Хотя надо бы, конечно, к твоим родителям навеститься, рассказать им, как ты на лисапедке на прохожих наезжаешь!

«Только не это», – подумала Котечка.

– Не пойду, не боись! – успокоил её старичок.

«А что же с моим велосипедом?» – вдруг вспомнила девочка.

– Нормально всё с твоим лисапедом, только руль надо поправить, – произнес дедуля.

Здесь уже Котечка поняла, что старичок, вообще-то, более чем странный. Кажется, он читает её мысли?

– Вы умеете читать мысли? – спросила девочка своего невольного пострадавшего.

– Да у тебя все твои мысли на лбу написаны, – с какой-то даже насмешкой произнес старичок своим скрипучим голосом. – Читай – не хочю.

Котечка невольно даже провела по лбу рукой, и только тут заметила, что лоб пострадал – царяпину засадило и заныло.

– Не боись, – повторил незнакомец, – до свадьбы заживёт.

Естественно, сразу заболела и коленка. Прихрамывая, и всё время осторожно трогая лоб, Котечка подошла к велосипеду, лежавшему неподалеку, подняла его и критически осмотрела.

Видимых повреждений нет. Только вот руль придется поправить, в этом старичок оказался прав. Ну да это легко, это Мохотечка даже сама уже умела делать.

– Слышь, чадо луковое! – услышала Котечка уже знакомый голос из-за спины, и тут же почему-то подумала: «Почему чадо? Луковое ведь горе?». Она повернулась и вопросительно посмотрела на старичка.

– Чадо, потому что чадо! – глубокомысленно произнес дедуля, подняв зачем-то вверх свой сморщенный указательный палец. – Хочешь, чадо, скажу, куда деньги потратить?

Странное дело, но Котечка нисколько не удивилась такому предложению. В конце концов, кто угодно может советовать что угодно. Нельзя же им запрещать. Она пожалала плечами, и больше для вежливости спросила:

– И куда же?

– Очки купи! – ровным голосом сказал старичок, как отрезал.

Котечка решила, что он всё ещё доругивает её за происшедшее. Она вздохнула, и сказав, – Да есть у меня очки, извините... – снова отвернулась к велосипеду – надо ж его в порядок приводить, хотя, кататься уже совершенно расхотелось.

– Вот эти очки купи! – произнес скрипучий голос. – Ровно триста рублей стоят.

Котечка обернулась, – старик держал в руке что-то оч-чень симпатичное, что-то блестящее, цветное и яркое, одним словом, именно такое, какое обычно очень нравится девочкам – Почти Маленьким и Почти Большим одновременно. У Котечки даже дыхание перехватило при виде такой неземной красоты. А дедуля, как будто дразнил – поигрывал вещицей в руке так, что она переливалась всеми цветами радуги. Тогда и Котечкина рука против (ну, или почти против) её воли потянулась к этому сверкающему чуду. Немного как будто поколебавшись, старик отдал ей эту загадочную вещь.

Да, это были очки – почти такие же, как для рассматривания картинок в голографических альбомах, – когда картинки делаются объёмными, – одна линза – синяя, другая – красная, только выглядели они очень необычно – довольно тяжелая металлическая оправка была покрыта золотом, а дужки были похожи на крылья бабочки – только ещё более причудливой формы, с множеством завитушек, усыпанные маленькими блестящими камушками разных цветов.

– Ну что, берёшь? – сощурившись, и ревниво, как бы жалеючи поглядывая на очки, спросил старик.

Ну кто бы смог отказаться на месте Мохотечки? Нет, ей, разумеется, пришла в голову мысль о том, что дедуля, будучи явно бичиком, по всей видимости, раскопал очки на какой-то помойке, кто-то их, наверное, выбросил. Но раз выбросили, значит – были не нужны, и вообще, их можно помыть или протереть влажной салфеткой. Во вторую очередь Котечка вспомнила о том, что у незнакомцев на улице никогда и ни при каких обстоятельствах ничего нельзя брать! Всякие бывают незнакомцы эти. Но она ведь и не собирается ничего *брать*, – тут же пришла подходящая мысль, – она собирается *купить*, а это, как всем известно, далеко не одно и то же. Другое дело, что вот так, не в магазине, не на рынке, прямо посреди дороги Котечке ещё никогда ничего не приходилось покупать. Да и неожиданно как-то это всё...

– Беру! – без колебаний сказала девочка, сама поразившись про себя собственной решительности.

– Деньги давай! – требовательно сказал старик, протянув руку и нетерпеливо сжимая и разжимая свои сморщенные пальцы. – Триста рублёв!

Мохотечка, крепко сжимая очки правой рукой, не сводя со старичка глаз, левой рукой полезла в правый карман джинсов за кошельком (блестящим, цветным и ярким, словом, очень модным). Задача оказалась не из самых простых, – Мохотечка пыхла и сопела, дедуля насмешливо, но молча за ней наблюдал. Наконец, кошелек был извлечен, а из кошелька были извлечены три сотенные бумажки, – почти новые, между прочим, – которые через мгновение перекочевали в бездонные карманы дедулиного болотного цвета балахона.

– Спасибо! – поблагодарила Мохотечка (по привычке всех русских людей, которые обычно благодарят за то, что им продали, ещё и не разобравшись толком, а что же это такое).

– Носи на здоровье, чадо! – почему-то захихикал старичок, аж сожмурившись непонятно от какого удовольствия.

– А как..., – начала было Котечка... Вообще-то, она хотела спросить – для чего же именно предназначены эти очки, в смысле, на пляж их одевать, или просто носить, но тут же ей пришла в голову мысль, что вопрос будет звучать как-то нелепо – что тут сложного, очки да очки.

– Да ты разберёшься, – равнодушно ответил, покосившись на неё, старичок, подхватил под мышку свой чемодан с оторванной ручкой, и засеменял на своих коротеньких ножках в разбитых сапогах прочь по дороге. Однако уже через несколько шагов дедуля остановился и, полуобернувшись, очень серьёзно сказал каким-то особо скрипучим голосом:

– Ежели чего – ищи, Котечка, Скипидарыча! – и через секунду быстро-быстро пробубнил уж совсем какую-то белиберду. – До Вереи не ходи, Заморену не буди, молочком по травке – не догонят мавки!

– Чего-о? – оторопела Мохотечка, но старикан уже семенил прочь, и через мгновение скрылся за углом дома.

Вообще-то, загадочными и малопонятными фразами обычно говорят Особо Умные Взрослые где-нибудь в телевизоре, но дедуля был как-то не очень на них похож, почему-то... «Впрочем, – пожалала Котечка плечами своим мыслям, – это значит только то, что среди бомжиков тоже есть непонятно говорящие люди. Или он сказал что-то на своём, на бомжицком языке. Да, скорее всего». Моментально забыв про странного дедулю, она заторопилась домой – чтобы в комфортных условиях, уединившись в своей комнате, *поудовольствоваться* своё приобретение.

Встреча третья. Вот попали!

Сразу поудовольствоваться, однако, не получилось – Мохотечке поручили «занять Малыша», что означало: не давать на протяжении какого-то времени Малышу нудить и пристаывать к маме, которая занята чем-то важным, и папе, который чем-то важным занят. Мохотечка по-разному «занимала» брата. На самом деле, что она только уже не применяла – и скачки перед Малышом на скакалке, и прыжки на мяче-прыгалке, и закатывание глаз с одновременным длинным утробным звуком, и танцы в бальных платьях, за которые сходило всё более-менее длинное, например, плед или полотенце. Пупырыш, в общем, на всё реагировал вполне радостно, и на какое-то время «занимался», проблема, однако, заключалась в том, что как только Мохотечка решала, что её задача выполнена и удалялась с достоинством большими прыжками в свою комнату, Пупырыш опять заводил своё канюченье, и тогда нужно было придумывать что-то новое. Впрочем, если Малыш решал, что всё будет по серьёзному, и не ограничивался нудением, а устраивал настоящую «ораторию», на него не действовало ничего из Мохотечкиного репертуара. Тут уж без мамы, – ну, в крайнем случае, папы, – было не обойтись. Такое, впрочем, случалось не так часто, в основном, сестра вполне могла управиться с братом самостоятельно.

В последнее время в репертуар добавилось *совместное рассматривание различных книг и альбомов*. Именно этим приёмом и решила воспользоваться Котечка, которой что-то не очень хотелось утробно урчать или прыгать на мяче – наверное, она немного устала, к тому же коленка продолжала саднить, да и лоб давал о себе знать время от времени. Сестра уселась рядом с братом на ковре и раскрыла для начала одну из ярких «очень детских» книжек Пупырыша – тот довольно залопотал что-то, потянулся к книжке, начал переворачивать страницы, на которых были изображены разные домашние животные. В то время как Малыш с неподдельным восхищением и одобряющими звуками разглядывал свинью, Мохотечка, взяла в руки свои новоприобретенные потрясающие очки, и начала их пристально изучать. Она быстро обнаружила, что дужки-бабочкины крылышки, кроме камушков, покрыты ещё и какими-то чудными буквами, которые вились, причудливо переплетаясь между собой и образуя настоящие узоры. Буквы были похожи на русские, но разобрать, что написано, Мохотечка так и не смогла. Малыш, разумеется, никак не мог не заметить это что-то блестящее и замечательное, и, забыв про прекрасное животное по имени «свинья», тут же ухватился за дужку.

– Не-не-не-не-не! – сказала Мохотечка, пытаясь осторожно, – чтобы не повредить своё приобретение, – освободить очки из цепкой ручонки брата.

– Да-да-да-да-да! – кивая головой, отвечивал Пупырыш, совершенно не ослабляя хватки.

В это время коварная сестра начала делать большие глаза, производить разные причудливые звуки, включая урчание и цоканье языком, и добилась-таки своей цели – внимание Пупырыша на секунду ослабло. Этой секунды Котечке хватило, чтобы одним лёгким, незаметным движением освободить очки из захвата. Продолжая цокать языком и закатывать глаза, девочка сложила очки за спиной, а потом незаметно сунула на полку стеллажа. Пупырыш, однако, быстро сообразил, что его только что лишили чего-то *самого интересного в жизни*, и поднял невообразимый вой. Ничего не помогало, даже исполнение Котечкой упражнения «мостик», даже пляски с высоким подкидыванием ног – Пупырыш орал как резаный. Естественно, прибежали родители; естественно Малыша схватили на руки и попытались отвлечь; естественно у Котечки строго спросили – в чём дело (папа), и что случилось (мама)?

Котечке почему-то не очень хотелось рассказывать папе и маме про то, какие чудесные очки она приобрела. Ей почему-то казалось, что они не смогут оценить это приобретение по достоинству, может быть, даже скажут, что она зря потратила деньги. Так что

Котечка не торопилась объяснять родителям – из-за чего именно начал издавать такие вопли Малыш. Кроме того, родители наверняка сказали бы: «Ничего страшного не случилось бы, если б Малыш немножко поинтересовался твоими очками!». Но Котечке очень хорошо было известно, что когда Пупырыш чем-то по-настоящему интересовался, – особенно это касалось вещей, принадлежащих ей, Котечке, – страшное случалось довольно часто. Оно могло выглядеть по-разному, это страшное – в виде открученных голов кукол Барби или Братц, в виде замусоленных мягких друзей Мохотечки, таких, как волчонок или белый медвежонок, в виде книжек, извлеченных с нижней полки стеллажа, разбросанных по комнате и потоптанных, и даже в виде «пруда», организованного Пупырышем в каком-нибудь совершенно неподходящем месте священной Мохотечкиной территории. Так что, не надо Мохотечке рассказывать – что страшно, а что – нет.

В общем, именно так и получилось, что очки оказались на нижней полке стеллажа рядом с тем самым шикарным старинным альбомом, который уже пару дней мирно стоял тут же после очередного просмотра. Мохотечка через пять минут отправилась на кухню съесть что-нибудь вкусненькое, да так и осталась посмотреть мультяшечку, родители вновь занялись чем-то очень важным, а Пупырыш, отпущенный на волю из объятий мамы, через те же пять минут вернулся в комнату сестры, очевидно – не без некоторого тайного намерения.

Было у Малыша это намерение или нет, но ещё минут через двадцать, когда Котечка вошла в свою комнату, она увидела, что Пупырыш сидит над большим раскрытым альбомом, который она сразу же с ужасом узнала, рассматривая его через замечательные золотистые очки, которые она так же сразу и с не меньшим ужасом узнала. Настоящий ужас охватил её, однако, тогда, когда, подбежав к брату и протянув к нему руки, она через секунду схватила только воздух – Малыша не было, только на раскрытом альбоме лежали очки. Ничего не понимая, Котечка начала ошеломленно озираться, искать Пупырыша по всем углам, заглядывать под кровать, за шторку, в платяной шкаф – всё было впустую, Малыша нигде не было. Котечка, будучи абсолютно уверенной в том, что он из комнаты не выходил, всё же прошлась по квартире – молча и сосредоточенно исследуя все любимые Пупырышем места для прятанья – брат исчез! Это было невысказанно и невероятно, но его определенно не было в квартире! Ещё не зная – почему, Котечка чувствовала себя кругом виноватой, и просто холодела при мысли о том, что произойдет тогда, когда родители неизбежно спросят: «А где Малыш?».

Девочка вернулась в свою комнату, вновь всё осмотрела, и, просто уже не зная, что делать, бессильно опустила руки и села на ковер, пытаясь понять – что же делать дальше. Взгляд её, блуждавший по комнате, наткнулся на альбом, который рассматривал Пупырыш, шикарный старинный папин альбом. Котечка под села поближе к книге и взгляделась в иллюстрацию, которую всего лишь несколько минут назад рассматривал Малыш – это была самая грустная картинка, там плескались жутковатые зеленые волны безбрежного океана, две твари кружились друг за другом со своими разинутыми зубастыми пастьями, и над ними угрюмо возвышались два высоченных айсберга, похожие на небоскребы... А на вершине одной из этих ледяных гор виднелась маленькая съёжившаяся фигурка... Котечка взгляделась внимательнее, и не смогла поверить своим глазам – на самой макушке айсберга, приютившись в какой-то расщелине, сидел, подтянув коленки к подбородку и крепко обхватив себя руками, её брат – маленький, озябший, и, конечно же, очень испуганный Малыш. В ту же секунду Котечка поняла и то, что очки в этом деле сыграли решающую роль; поглядев на них с ненавистью, Котечка была готова шмякнуть ими со всей силы о стену, но столь же быстро поняла она и то, что очки – единственный путь для спасения Малыша. Поколебавшись всего полсекунды, Мохотечка, зажмурив глаза, решительно водрузила очки себе на нос, затем нашарила альбом и резко подтянула его к себе, после чего глубоко вздохнула, и, медленно открыв глаза, вперила взгляд в жутковатую зеленую воду, морских тварей и высоченные ледяные глыбы с маленькой одинокой фигуркой на одной из них.

Сначала ничего ровным счетом не произошло, но Котечка прекрасно знала, как пользоваться такими очками – она, прежде всего, постаралась успокоиться, – что, конечно же, было делом нелегким, – затем расслабила мышцы лица и сделала тот самый «отсутствующий взгляд», после которого всё плоское становится выпуклым и объёмным... Уже через несколько секунд Мохотечка увидела, как надвинулись на неё ледяные горы, услышала, как зашумели волны, и почувствовала на своем лице холодное морское дыхание ветра... Но она всё ещё находилась в своей комнате, в этом она была совершенно уверена, поскольку слышала, как в гостиной бубнит телевизор, а совсем рядом, время от времени, щёлкает о чём-то попугай в своей клетке. Стараясь ни на что не отвлекаться, Мохотечка продолжала вглядываться и вглядываться в картинку, однако через секунду попугай неожиданно разразился целой очередью громких посвистов и щелчков, и начал, вдобавок, изо всех сил громыхать дверцей, что Котечка терпеть не могла. Поняв, что попугай не даст ей сосредоточиться, девочка решила пойти самым верным путём – набросить на клетку темно-синюю шаль с яркими замысловатыми узорами, которой попугая накрывали на ночь, – чтобы никого не беспокоил и сам спал спокойно. Шаль висела тут же, на головке кровати, однако, после того, как Котечка перевела на неё свой, по-прежнему «отсутствующий» взгляд, случилось неожиданное – причудливо изогнутые и завивающиеся разноцветные узоры вдруг ожили – начали струиться, перетекать друг в друга, становясь необычайно яркими. Завороженная, девочка не могла оторвать от них глаз, а узоры, продолжая сплетаться, потекли по кругу, всё убыстряясь и убыстряясь, пока не превратились, наконец, в одну большую и сверкающую всеми цветами радуги вращающуюся спираль... Очень скоро Котечка перестала видеть комнату, шаль, и даже внешние круги этой спирали – её внимание целиком и полностью поглотил центр – подвижный и переливающийся, который почему-то становился всё больше и больше, пока не заполнил собой всё, так, что ничего больше не осталось, кроме кружащихся вокруг Мохотечки мириадом сверкающих огоньков, которые вращались со всё возрастающей скоростью, пока не превратились, наконец, в один сплошной светящийся водоворот, который нёс Мохотечку в своём потоке с нарастающим шумом, переросшим вскоре в самый настоящий грохот самого настоящего водопада. А потом Котечке показалось, что она куда-то падает со страшной скоростью, и от испуга она крепко зажмурила глаза. А потом стало тихо-тихо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.